

Русский научный текст «под зонтиком» когнитивной стилистики¹

МАРИЯ П. КОТЮРОВА
(Пермь)

В статье применяются синергетический, дискурсный и собственно лингвистический подходы к русскому научному тексту, рассматриваются некоторые тенденции научно-познавательной деятельности, зафиксированные «пакетными» понятиями расширения и сужения научного знания, ускорения процесса познания, инфляции эмпирического научного знания. Представлено воздействие «конвейерного» и «мерцательного» мышления ученых на эти тенденции, а также возникновение погрешностей в речи и проникновение их в научный текст.

Весьма интересной представляется мысль о национальном стиле – стиле культуры, мышления и речи, высказанная в немецкой и славянской философии и лингвистике XIX в. Специальное, пристальное рассмотрение находим в статьях, опубликованных в журнале «Stylistyka» XXI в 2012, объединенных названием *Styl narodowy – National Style* (см. статьи Ст. Гайдды, Н. И. Клушиной, Г. Я. Солганика, Т. И. Суриковой, Бр. Тошовича и др., а также списки литературы к этим статьям в данном журнале). Широта понятия национального стиля предопределяет подходы к вопросам, которые неизбежно возникают при рассмотрении научных текстов в пределах («под зонтиком», в зеркале, в аспекте) русской когнитивной стилистики.

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта РГНФ, проект 11-34-00228a1.

Если подойти к научным текстам с синергетических позиций (*Синергетическая парадигма* 2004), то прежде всего важно подчеркнуть наличие как системности, так и хаотичности в использовании языковых единиц при порождении текстов, реализующих научный стиль. Понятно, что системность складывается в процессе длительной истории становления, формирования и развития научного функционального стиля. Сохранение и упрочнение традиций – процессы, несомненно, обуславливающие современный научный стиль речи. Вместе с тем неизбежна и совершенно естественна эволюция стиля речи. Всестороннее научное обоснование взаимосвязи мышления и речи, наблюдения о воздействии персонального познавательного стиля на индивидуальный стиль изложения научного содержания (см. подробно Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011), а также исследования по межкультурной коммуникации подводят нас к следующему утверждению. С учетом взаимодействия таких экстралингвистических оснований, как мышление, речь и культура, о *национальном стиле* вполне можно говорить как понятии высокой абстракции, характеризующем определенный социум. Данное понятие представляет собой квинтэссенцию функционирования той или иной языковой системы – функционирования, взятого на разных уровнях обобщения и обусловленного культурно-речевыми конвенциями в определенных, в частности современных, коммуникативных условиях.

В связи с этим можно считать, что *современный* национальный стиль следует изучать в дискурсивном аспекте, поскольку прежде всего необходимо определить хотя бы некоторые признаки функционирования языка, а значит, тенденции к изменению в научно-коммуникативной сфере. К таким тенденциям отнесем взаимосвязанные процессы, зафиксированные «пакетными» (Ракитов 1982; Котюрова 2013) понятиями расширения и сужения научного знания, ускорения научно-познавательного процесса, инфляции эмпирического научного знания.

Нельзя не отметить, что осознание дифференциации национальных языков на функциональной основе, как известно, привело к становлению и развитию функциональной стилистики. Сопоставительные исследования (см., например, серию сборников Кафедры иностранных языков АН СССР, а также ряд диссертаций) ярко продемонстрировали различия научного стиля, функционирующего в пределах русского, английского, немецкого, испанского и др. языков, по существу свидетельствующие о национальном

стиле (характере) культуры, мышления и речи. Несомненно, многочисленные функционально-стилистические исследования послужили основой и дали толчок формированию «под зонтиком» речеведения (используем метафору вслед за М. Н. Кожинной и Т. В. Шмелевой *przypis*) новых научных направлений, удачно названных когнитивной стилистикой (Базылев 2005), функциональной прагматикой (Баранов 2005), коммуникативной этностилистикой (Ларина 2007).

Основное для данной статьи понятие *функциональный стиль*, как отмечено Н. И. Клушиной, «в коммуникативной этностилистике полностью соотносится с традиционным пониманием стиля в функциональной стилистике» (Клушина 2012: 19–20). Понятие функционального стиля, абстрагированное от реальной коммуникативной ситуации, в условиях межкультурной коммуникации позволило выявить национальные особенности, представляющие собой

закрепленные традицией коллективные речевые привычки, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления тех или иных *коммуникативных стратегий и средств коммуникации*, в результате чего и вырабатывается национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль (Ларина 2007: 3; курсив наш. – М.К.).

Несомненно, прав Г. Я. Солганик, утверждая, что многостильность представляет собой такую особенность современного состояния литературной речи, которая ослабляет представление о единстве литературного языка (Солганик 2012: 183). Отсюда с уверенностью можно считать, что именно функциональная многостильность стимулирует стремление исследователей изучать каждый функциональный стиль прежде всего «изнутри», а затем уже переходить к их сопоставлению.

В связи с этим, осознавая обобщенность утверждения о многостильности литературной речи, определим целью данной статьи рассмотрение только одного, а именно научного функционального стиля, в пределах русской когнитивной стилистики. Ограничим поле зрения следующими вопросами. Каковы особенности современного научного текста в содержательно-коммуникативном отношении? Какие экстралингвистические факторы воздействуют на появление отклонений (даже погрешностей) от эталонного стиля речи?

Русский научный стиль речи представлен текстами научных трудов, в той или иной степени обладающих свойствами эталонного научного

текста (см.: Котюрова 2010). Как писала А. Н. Васильева о произведении высшей эстетической ценности, оно

отличается исключительной глубиной проникновения в сущностные, очень сложные и скрытые основы человеческой жизни, человеческого характера, жизни и закономерностей человеческого общества. Обыкновенные произведения не имеют уходящей в бездонные глубины истории и жизни «корневой системы», они остаются лишь «картиной жизни» (Васильева 1983: 6).

По аналогии с художественными текстами высшей эстетической ценности представляется вполне допустимым дифференцировать научные тексты с учетом познавательного-коммуникативной значимости. В таком случае естественно подчеркнуть, что рассмотрение проблем научного функционального стиля речи принципиально возможно лишь применительно к текстам произведений *высокой* научно-познавательной ценности, в то время как за пределами нашего внимания остаются те, которые сопровождаются строкой *Монография публикуется в авторской редакции*.

Однако на фоне именно «высокой научной литературы» тексты тезисов докладов, авторефератов диссертаций, статей в сборниках научных трудов – тексты, сохраняющие «присутствие речевой индивидуальности автора», представляют собой благодатный материал для изучения особенностей национального научного стиля речи.

Содержательно-коммуникативный аспект научного текста неизбежно предполагает необходимость акцентировать внимание на динамике содержания (научного знания) и динамической стереотипности речи (Котюрова 2011: 19–32). Всем ясно, что динамика поиска научного знания и его ядра – истины (Щирова 2012: 353–366) и механистична, и антропоцентрична: знание развивается неравномерно, либо надолго сохраняя равновесие, либо не замечая лакун, отставая, двигаясь зигзагообразно, либо вырываясь вперед, опережая потребности – гармония по существу недостижима в силу индивидуального характера субъекта познавательной деятельности. Субъект познавательной деятельности многолик, разнообразен, его мышление характеризуется различными свойствами. [Несколько забегая вперед, отметим, что именно с учетом и механистичности, и антропоцентричности познавательного-коммуникативной деятельности мы актуализируем, с одной стороны, «конвейерное», с другой – «мерцательное» (по аналогии с сердечной мерцательной аритмией) мышление ученого.]

Развитие научного знания сопровождается двумя неразрывно связанными тенденциями – расширением и сужением объема знания благодаря фундаментальному свойству познавательной деятельности – аналитико-синтезирующей способности ученых. Как участвует тот или иной научный текст в формировании тенденций к расширению и сужению научного знания на современном этапе его развития? Отвечая на этот вопрос, обратим особое внимание на общеизвестный дискурсивный фактор нашего времени – *ускорение*, несомненно, имеющее как бесспорно позитивное, так и негативное значение.

Действительно, ускорение, в значительной степени способствующее расширению знания, в интеллектуальной (научно-познавательной) сфере сказывается прежде всего на количестве знания. Стремление ученых добыть новое знание, зафиксировать в научных текстах разных жанров (прежде всего тезисов докладов и статей) и опубликовать его как можно быстрее – позитивное в своей сущности – вместе с тем неизбежно обуславливает и недочеты. Мы имеем в виду недочеты не собственно лингвистического, а стилистико-текстового характера, имеющие значение для формирования общего фонда знания и появляющиеся в текстах научного дискурса последнего времени. К таким недочетам можно отнести следующие:

1) фрагментарность, дробность информации, «мелкотемье» (в пределах/ с позиций общего гуманитарного знания) статей в сборниках научных трудов;

2) малый объем статей (3–5 стр.), объективно не позволяющий автору развернуть содержание, а читателю – дать оценку (принять или отвергнуть);

3) мало-, если не сказать неинформативные ссылки на номер в списке литературы (без указания фамилии). [Интересно, что в научных текстах XVIII в. нередко приводилось полное библиографическое описание важного исследования предшественника];

4) несоответствие оформления текста статьи требованиям (употребление аббревиатур в начале, а иногда и во всей статье – без расшифровки); например: «ФМПЗ – способ обработки знаний, привлекающий к себе внимание как универсальный, человеко- и компьютерно-ориентированный»;

5) употребление терминов без использования таких приемов их введения в текст, как дефиниция, определение, описание, синоним, информация об этимологии и др.;

б) использование ссылок на свои публикации [кстати, не только в русском научном стиле; см., например: «“культурный фильтр” финских научных текстов: “много ссылок” автора на самого себя» (Рябцева 1997: 56)], причем нередко без разъяснения того, для чего дается ссылка; кстати, учет индекса цитирования (сам по себе имеющий положительное значение как один из экономных приемов определения эффективности научно-исследовательской деятельности ученого) порождает совершенно избыточные ссылки; например: «Автоматическое извлечение мнений, занимающееся проблемами определения отношения автора текста к проблеме, продукту или явлению в данном тексте, часто входит в состав систем «семантического» информационного поиска (*Имярек, 2011*)» – неясно, к какой части содержания относится ссылка.

Как представляется, в целом (с учетом научно-познавательного дискурса) именно с ускорением ритма жизни, в том числе познавательно-коммуникативной деятельности, связаны и такие – качественно-содержательные – особенности современных научных текстов, как проявление недостаточной развитости «языкового чувства» и отсутствия не только качественного редактирования, но и саморедактирования, что является причиной разнообразных речевых погрешностей (Котюрова и Баженова 2008). Приведем примеры, не рассматривающиеся нами ранее, относительно коммуникативного разграничения указательных местоимений *этот* и *такой*: «Современная лингвистика все чаще обращается к задачам, лежащим на границе речевой коммуникации и внеязыковых явлений. Для решения *этих задач* привлекаются методы психологии, социологии, когнитивной науки и др.». В данном контексте речь идет не о конкретных задачах (= *этих*), а о типе задач (= *таких, как*), поэтому целесообразно заменить словосочетание *этих задач* другим – *таких задач*.

Недостаточно развитое чувство языка нередко «подводит» автора при составлении предложения. См., например, нецелесообразную инверсию: вводное слово со значением итога *таким образом* необоснованно «уходит» в середину предложения; кроме того, на границе вполне «правильных словосочетаний» возникает погрешность – стечение форм имен существительных в одном и том же падеже: «Результатом информационного поиска по определенному запросу, таким образом, может стать список всех отрицательных или положительных упоминаний *интересующего пользователя системы* продукта или явления». В результате изменения по-

рядка словосочетаний – а) вводного слова и б) причастного оборота предложение примет следующий вид: «Таким образом, результатом информационного поиска по определенному запросу о продукте или явлении, *интересующем пользователя системы*, может стать список всех отрицательных или положительных мнений».

Не чем иным, как дискурсивным фактором «ускорение подготовки (спешкой при подготовке) научных текстов к публикации», нельзя объяснить неправильное управление существительными при важнейших, методологически насыщенных словах типа *теория, концепция, анализ* и мн. др. Например: «В основу данной методики легла *теория о функционально-стилевой дифференциации языка*. Дальнейшим развитием *теории функциональных стилей* стала теория подъязыков [...]». Двойное управление свидетельствует либо о контаминации *теория* (чего?) – *вопрос* (о чем?), либо о речевой небрежности автора.

Очевидно, что расширение знания осуществляется при доминировании аналитической стороны познания, а сужение – соответственно – при доминировании синтетической стороны познавательной деятельности субъекта. Отсюда вытекают различные следствия.

Расширение знания посредством анализа явлений действительности с целью их интерпретации сопровождается применением понятия, уже разработанного предшественниками (результатом применения понятия является получение эмпирического знания), в то время как сужение знания, т.е. его синтез, – развитием, развертыванием понятия, движением его по пути в «неизвестное» (результатом развития понятия является получение теоретического знания (см. об этом: Швырев 1978, 1984). Как представляется, для получения нового знания – знания именно эмпирического типа – достаточно мышления, которое можно назвать *конвейерным*.

Конвейерным мы называем поисковое мышление, которое имеет целью обоснование понятия, отнесение его к классу других, более общих, уже признанных научным социумом, т.е. мышление по образцу – «как все думают/считают». Конвейерное мышление, однако, не означает тождества с клишированностью, в нем преобладает элемент поиска, оно вариативно, стереотипно, однако в определенных пределах, ограниченных тем или иным уровнем абстракции. Важно, что оно ориентировано на «уже достигнутое», полученное предшественниками, хотя, осуществляя выбор

необходимого «вышележащего» понятия, автор осуществляет научно-познавательную деятельность на пути от известного знания к другому, т.е. знанию в другой «плоскости» абстракции. См., например, обоснование лексем, слов, словосочетаний типа *гендер, часть речи, судьба, счастье, поступок*, оппозиции *холод – тепло/жар, цвет* и мн. др. посредством терминов «понятие», «категория» или «концепт». Позитивная роль такого мышления соотносится с тем, что оно широко распространено и потому обеспечивает «массу» знания.

Рассматривая одну из важнейших познавательных ситуаций – дефиницию (родо-видовое определение), включающую обоснование как момент в контексте данной ситуации, на наш взгляд, можно констатировать проявление конвейерности мышления. Это свойство мы соотносим с «идиоматичностью мысли», клишированностью, придающей содержанию речи определенную установленность, заданность, а значит, статичность.

Конвейерность мышления внешне легко обнаруживается, если акцентировать внимание на таких особенностях речи, как: 1) линейность речи, обеспечивающая плавность, легкость восприятия текста; 2) лексическая, семантическая и синтаксическая связанность языковых единиц, способствующая закреплению формально-содержательных речевых единиц; 3) автоматизм объективированной (как бы без субъекта) речи; 4) минимизация субъективированности (например, цитирование – нередко без закавычивания – преимущественно как возможность воспользоваться готовой формулировкой мысли); 5) «склеивание» описания или рассуждения из готовых блоков мыслей предшественников (без кавычек, в соответствии с моделью, к которой автор в данный момент испытывает наибольшее доверие); 6) стремление «приподнять», актуализировать, усилить фундаментальные стилевые черты научной речи: отвлеченно-обобщенность, логичность, связность, диалогичность и др. – стремление, приводящее к злоупотреблению словами широкой семантики, неточному употреблению языковых единиц со значением логико-семантических отношений между высказываниями, а также чрезмерному использованию синтаксических конструкций, выражающих диалогичность речи, и др.

В речи конвейерность мышления проявляется при использовании единиц всех уровней языковой и формально-логической систем: лексем, синтагм, высказываний и т.д.; понятий, суждений, умозаключений, клас-

сификаций, типологий, концепций, теорий, законов. Что весьма важно (позитивно): благодаря конвейерности мышления индивидуумов, соотносимой с много-многократной повторяемостью тех или иных познавательных актов и ситуаций научное знание социализируется, приобретая характер общепринятого, дисциплинарного, фундаментального. Кроме того, научное знание расширяется за счет смены частных терминосистем, приводящей к некоторому уточнению знания. Однако «смелая» замена целой совокупности терминированных понятий другой совокупностью в большинстве случаев не может достичь цели в научной коммуникации. Почему? Вхождение любой крупницы знания в общий научный фонд, с одной стороны, осуществляется в зависимости от таких общих требований к окружению данного фрагмента знания, как риторическая рекламность, связь со смежными терминированными понятиями, аргументированность и др., а с другой – в соответствии с эпистемической оценкой излагаемого знания. По утверждению Н. К. Рябцевой,

каждый класс объектов имеет свои мотивы и критерии оценки. Например, выводное знание – гипотезы, подходы, методики и пр., оцениваются по их обоснованности, обобщения – теории, концепции и пр., – по их объяснительной силе, классификации – по основаниям, события – по вероятности, законы – по области действия, мысли и факты – по непротиворечивости и т.д. (Рябцева 1997: 57).

Вместе с тем нельзя не заметить, что «чисто» конвейерное мышление означало бы абсолютный застой, отсутствие движения вперед. Поскольку научно-познавательная деятельность по природе динамична, она, по определению, не может остановиться на статике, проявляясь вариативно, стереотипно. Продолжив рассмотрение примера, подчеркнем, что выше-названные категории и концепты подвергаются анализу применительно к терминосистемам когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, диалектологической лингвистики, кроме того, установлено, что «достижения синергетической лингвистики позволяют говорить о синергетической природе концепта» (Зубкова 2011: 3). Однако конвейерность и даже стереотипность продвигают знание лишь «к познанному» – по пути эмпирического знания, а не «к непознанному» – по пути рождения теоретического знания.

В то же время вполне понятно, что не только стабилизирующую, но и задерживающую, а значит негативную, роль играет мышление этого типа, если оно доминирует в целостном процессе развития научного знания. Целенаправленный анализ научных текстов по разным областям

науки позволил заметить следующее. При рассмотрении научного знания «крупным планом» установлено применение различных приемов «топ-тания на месте» (из них наиболее ярко проявляется не только концептуальный и текстовый плагиат, но и неоправданные (!) речевые повторы (Данилевская 1992), а также нецелесообразное цитирование (Котюрова 2001: 244–258; Комарова и Шагеева 2009 и др.). Конечно, отклонение мышления автора в сторону содержательной статичности предопределяет его конвейерность, что приводит к накоплению знания, не востребованного социумом, по-видимому, даже к *инфляции* знания (аналогично утверждению испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета о девальвации искусства; см. Ортега-и-Гассет 1996), о чем говорят известные ученые в области естественных наук.

Продолжая рассмотрение креативного мышления ученого, обратимся к другому его свойству, можно сказать, противоположному конвейерности. На наш взгляд, креативному мышлению ученого, наряду с конвейерностью, присуще и такое свойство, которое мы называем *мерцательностью*. Мерцательность креативного мышления сопряжена с таким неординарным, эксклюзивным проявлением психологии мышления, как интуиция. Посредством интуиции при таких условиях, как, во-первых, тесная связь с общим фондом научного знания (в другой терминосистеме – дискурсом), во-вторых, открытость к инновациям, креативное мышление выполняет функцию эффективного инструмента, с помощью которого ученый получает действительно новое научное знание, не ограничиваемое рамками уже известного, полученного предшественниками.

Важно особо подчеркнуть, что креативное мышление, не исчерпываемое конвейерным, а с присущим ему компонентом мерцательности, в тесной связи с открытостью к эпистемическим инновациям, способствует рождению идеи, обладающей мощным резервом развития знания. В психологии мышления возникновение идеи получило объяснение посредством понятия интуиции, которая многократно сокращает путь рационально-логического познания. Действительно, креативное мышление осуществляется импульсивно, даже скачкообразно, т.е. не рационально-логически, а посредством интуиции. Действительно непредсказуемо, мерцательно, причем импульсивно-мерцательно (аналогично сердечной аритмии).

Разумеется, путь мерцательной познавательной деятельности далеко не прост. Чтобы автор мог зафиксировать его в тексте, ему необходимо

учитывать возможности восприятия текста адресатом и приспособлять к нему текст хотя бы благодаря проверке аутовосприятием. В противном случае в тексте останутся такие смысловые погрешности, которые вполне могут «обеспечить» искажение содержания (Котюрова и Бажнова 2008; Котюрова 2013).

Свойство «мерцательной пульсации» креативного научного мышления имеет значительную объяснительную силу. Несомненно, что возникшая идея, как сжатая пружина, требует свободного познавательного «раскручивания», иначе она не получит научного развития. Но ведь совершенно неизвестно, когда и где возникнет научная идея: по мнению науковедов, невозможно запланировать ее рождение. История науки располагает данными о том, что идеи нередко рождаются отнюдь не «по плану», а в цейтноте, т.е. совершенно непредсказуемо, причем такие «ситуации открытия» не повторяются в жизни ученого. Кстати, в немалой степени поэтому интенсификация планирования научно-познавательной деятельности, «загрузка» и даже перегрузка творческой личности экстенсивной деятельностью, которой свойственно применение, а не выдвижение идей, не стимулируют, а напротив, объективно сдерживают (и задерживают!) прорывное, т.е. качественное, движение научного знания. [Как представляется, именно вузовская наука, особенно гуманитарная, должна иметь больше прав на свободное творческое развитие.]

Представляется общеизвестным, что современное состояние гуманитарной науки свидетельствует об инфляции экстенсивного знания (в силу мелкотемья), нуждающегося в обобщении и синтезе. Знание же, имеющее частный фактографический характер, лишь аргументирует высказанные ранее утверждения, по существу «засоряет» научное пространство невостребованными сведениями, подменяя ими всегда необходимое действительно научное знание. Отсюда понятно, что картина сложной, многоплановой научно-познавательной деятельности социума имеет рельефный (пересеченный, а не равнинный) характер.

Мерцательность как позитивное свойство творческого мышления можно соотнести с «клиповостью» как «соединением несоединимого», характерной для современного стиля мышления не только в искусстве, но и в науке. Клиповость может быть оценена двояко – и положительно, и отрицательно. В связи с развитием электронных СМИ уплотняется, сокращается время фиксирования полученного автором научного знания.

И это положительно. Однако позитивная сторона уравнивается негативной: дискретно-клиповое, «точечное» мышление заменяет удобное для восприятия и понимания текста строго логическое, «пошаговое», фиксирующее каждую речевую единицу. Строго логическое мышление заменяется континуальным, «скользящим» по поверхности текста. Отсюда восприятие содержания становится не адекватным оригиналу, а индивидуально-смысловым. Значит, научное содержание передается адресату не полностью, теряясь в процессе коммуникации, что, несомненно, играет отрицательную роль в научной коммуникации.

Обобщая, считаем необходимым еще раз отметить, что изучение национального научного стиля требует прежде всего трансдисциплинарного, т.е. весьма широкого, подхода, включающего хотя и не все положения синергетического и дискурсного подходов, но весьма важные для выявления особенностей современных научных текстов. Синергетический подход обусловлен тем, что

за счет поступления в систему извне энергии, вещества или информации в ней возникают некоторые случайные отклонения (флуктуации), которые [...] могут усиливаться и приводить устойчивую структуру в нестабильное, неустойчивое состояние (Пищальникова, Герман 2008: 25),

в данном случае – приводить к изменению национального научного стиля. Действительно, рассматривая текст имманентно, т.е. без учета взаимодействия научно-коммуникативной деятельности со средой, в частности с другими видами деятельности, невозможно не только выявить случайные отклонения, но и объяснить их. Важно подчеркнуть, что отклонения – это не «прямое отражение» воздействия дискурсных факторов на речевую деятельность и отнюдь не единственное проявление этого воздействия на построение текста. Поэтому, естественно, необходимо применение узкого, собственно лингвистического рассмотрения текстовых явлений, граничащих с погрешностями и ошибками.

Литература

- Базылев В. Н., 2005, *Когнитивная стилистика (к определению статуса дисциплины)*. – *Стереотипность и творчество в тексте*, ред. М. П. Котюрова, Пермь, с. 7–24.

- Баранов А. Г., 2005, *Прагматика – функциональная перспектива языка. – Стереотипность и творчество в тексте*, ред. М. П. Котюрова, Пермь, с. 25–35.
- Васильева А. Н., 1983, *Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов*, Москва.
- Данилевская Н. В., 1992, *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста*, Пермь.
- Зубкова Е. В., 2011, *Симметрия и асимметрия как механизмы самоорганизации концептуальной оппозиции (на примере концептуальной оппозиции холод – тепло/жар)*, Пермь.
- Ларина Т. В., 2007, *Этностилистика в ее коммуникативном аспекте*, “Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка”, Москва.
- Клушина Н. И., 2012, *Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ*, “Stylistyka”, XXI, Opole, с. 19–34.
- Комарова З. И., Шагеева А. А., 2009, *Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте*, Екатеринбург.
- Котюрова М. П., 2001, *Творческая индивидуальность и цитирование. – Стереотипность и творчество в тексте*, ред. М. П. Котюрова, Пермь, с. 244–258.
- Котюрова М. П., 2011, *Стереотипность научной речи*, “Стил”, вып. 10, Белград, с. 19–32.
- Котюрова М. П., 2013, *Речевые погрешности в научном тексте. Только ли результат небрежности?*, “Экология языка и коммуникативная практика”, Красноярск. (В печати).
- Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2008, *Культура научной речи: текст и его редактирование*, Москва.
- Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В., 2011, *Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого*, Пермь.
- Ортега-и-Гассет Х., 1996, *Человек и люди. Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Толерантность и архитектоника эмоций*, Москва.
- Пищальникова В. А., Герман И. А., 2008, *Речевая деятельность как составляющая процесса самоорганизации человека. Ментальность. Коммуникация. – Перевод. Сборник статей памяти Ф.М. Березина (1931 – 2003) (РАН. ИНИОН)*, ред. и сост. М. Б. Раренко, Москва, с. 8–26.
- Ракитов А. И., 1982, *Историческое познание. Системно-гносеологический подход*, Москва.
- Рябцева Н. К., 1997, *Теория и практика перевода: когнитивный аспект. – Перевод и коммуникация*, ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, В. П. Василевич, Москва, ИЯз. РАН, с. 42–63.

Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания, 2004, Москва.

Солганик Г. Я., 2012, *Современная языковая ситуация. Тенденции развития русского литературного языка*, "Stylistyka", XX, Opole, с. 177–198.

Сурикова Т. И., 2012, *Этическая рефлексия в формировании национального стиля*, "Stylistyka", XX, Opole, с. 159–176.

Тошович Бр., 2012, *Национальный стиль как проявление национального языка сербов, хорватов, бошняков и черногорцев*, "Stylistyka", XX, Opole, с. 61–82.

Швырев В. С., 1978, *Теоретическое и эмпирическое в научном познании*, Москва.

Швырев В. С., 1984, *Научное познание как деятельность*, Москва.

Щирова И. А., 2012, *К проблеме истины в науке и в искусстве*, "Стил", вып. 11, Белград, с. 353–165.

Gajda S., 2012, *Styl narodowy jako kategoria stylistyczna*, "Stylistyka", XX, Opole, с. 5–18.

The Russian scientific texts in the aspect of the cognitive stylistics

The article is focused on synergetic, discursive and linguistic approaches to the Russian scientific texts. Expansion and contraction of scientific knowledge, acceleration of the process of cognition, inflation of empirical knowledge are regarded as trends of the scientific-cognitive activity. The author claims that "conveyer" and "flickering" cognition of scientists influences these trends and causes different faults of speech.

Keywords: Russian scientific text; acceleration of the process of cognition; expansion and contraction of scientific knowledge; inflation of empirical knowledge; "conveyer" and "flickering" cognition thinking; speech errors.